

Бердяев Н.А.

Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения. Париж, 1934.

Размышление 2. Субъект и объективация. Раздел 1. Субъект познания и человек.

Казалось бы, что в экзистенциальной философии Гейдеггера и Ясперса должна была бы быть поставлена проблема человека¹. Ведь онтология Гейдеггера есть онтология человеческого существования. Поэтому забота, страх, власть обыденности (das Man), смерть, падшесть мира принадлежат для него к сфере онтологии, а не психологии. Так же у Ясперса пограничное положение человека (Grenzsituation) имеет метафизическое значение, равно как и проблема коммуникации между «я». И все-таки у Гейдеггера и у Ясперса не поставлена по-настоящему проблема человека, у них нет философской антропологии, как основы всей философии. Они много дают для построения философского учения о человеке, но сами его не строят. Остается непонятным, что же такое человек, почему исключительно в его существовании и судьбе раскрывается структура бытия. Непонятно также, откуда берется сила познания у человека. Ясперс тем отличается от Гейдеггера, что мало верит в возможность объективной, наукообразной метафизики и онтологии и считав метафизику более субъективно личной, чтением символов.

Раздел 2. Экзистенциальный субъект и объективация. Познание и бытие. Раскрытие существования в субъекте. Объективация и проблема иррационального.

В современной философии особенно Гейдеггер и Ясперс являются представителями экзистенциальной философии. Гейдеггер делает основное различие между существованием в себе и существованием, выброшенным в мир, которое есть Dasein². Бытие в мире, Dasein, подчинено заботе, страху, овременению, das Man (обыденности). Трагизм смерти, определяемой конечностью бытия, притупляется обыденностью Dasein и усиливается, когда существование возвращается к себе. Existenz есть бытие, к которому Dasein имеет то или иное отношение. Dasein есть существование в мире. Seiende я сам, мое. Сущность Dasein в Existenz. Огромное значение у Гейдеггера имеет In-der-welt-sein, выброшенность в Dasein. Это и есть падшее бытие. Субстанция человека для него есть существование. Важно существование бытия, а не только сущность бытия. Existenz должно быть дано преобладание над Essenz. Гейдеггер создает философию экзистенций, а не философию эссенций. Dasein в мире открывается Гейдеггеру, как забота, и оно страшно. Страх и есть сам мир. Быть в мире есть уже падение. Dasein падает в das Man. Падение есть онтологическая структура Dasein. Совесть зовет Dasein из покинутости в das Man. Dasein есть виновность. Забота, характеризующая Dasein, есть ничтожество. Но непонятно, откуда у Гейдеггера раздается голос совести. Гейдеггер антиплатоник. У него нет духа. И его пессимистическая философия есть не столько философия Existenz, сколько философия Dasein. Его онтология есть онтология ничто, которое ничтоствует. Он совсем не раскрывает, что такое существование, не выброшенное в мир. Но философия Гейдеггера, стремящаяся быть ExistenzPhilosophie, занята совсем другими проблемами, чем те проблемы, которыми обыкновенно была занята философия, - заботой, страхом, обыденностью, падшестью, смертью и т. п. И это проблемы онтологии, а не психологии.

¹ См. Heidegger «Sein und Zeit» и Jaspers, три тома «Philosophie».

² См. его «Sein und Zeit».

Теми же проблемами занят Ясперс, более мне близкий, чем Гейдеггер³. Он более говорит о пограничном положении человека, о проблеме коммуникации между «я». Ясперс решительно настаивает на том, что я сам как существование есть иное, чем мировое бытие, я сам не объект для себя. Существование не есть объект⁴. Это у Ясперса яснее выражено, чем у Гейдеггера. Мое экзистенциальное «я» у Ясперса трансцендентно времени, оно отличается от эмпирического «я». Существование во времени более времени. Центральна у Ясперса идея трансцендирования. Метафизика для него не есть наука, это - функция языка, которая делает понятным трансцендентное в сознании существования. Поэтому он придает огромное значение *chiffre*, символам. Нужно читать писание законов. Философия существования Гейдеггера и Ясперса, самая интересная в современной мысли, ставит человека перед бездной, и потому она трагична и пессимистична. Вся почти новая философия, философия Декарта, Спинозы, Лейбница, Канта, неокантианцев, позитивистов, находилась в зависимости от развития наук, от научных открытий, в ней был сильный натуралистический элемент, философия существования преодолевает натурализм в философии, это ее несомненная и огромная заслуга. Но философия Гейдеггера и Ясперса находится в зависимости от Киркегардта, и этим ослабляется ее оригинальность. <...>

Между Киркегардтом и Гейдеггером и Ясперсом есть все-таки существенное различие. Киркегардт хочет, чтобы сама философия была существованием, а не философией существования. Гейдеггер и Ясперс строят философию о существовании. Они все-таки остаются в академических философских традициях, хотят выработать философские категории о существовании, превратить заботу, страх смерти в философские категории, особенно Гейдеггер. Философская попытка Гейдеггера вырваться из тисков рационализованного и объективизированного познания очень, конечно, замечательна и во многом новаторская. Но понятиями и категориями можно познавать лишь *Dasein*, лишь существование, выброшенное в мир, т. е. объективированное или совершенно отвлеченное и пустое бытие. Понятие всегда бывает об объекте. Самое же существование в себе, т. е. первичное бытие, можно познавать лишь фантазией, символом, мифом. Это в большей степени сознает Ясперс, чем Гейдеггер. В объективации и выработке понятий об объектах, в сущности, гипостазированы категории самой мысли и потому познаются эссенции, субстанции, вещи, сам Бог превращается в вещь. Не объективированное познание есть познание существования, познание личное и личным. Поэтому у Гейдеггера сильнее то, что он говорит о *Dasein*, чем то, что он говорит об *Existenz*. Для него объективация есть падение, но он сам производит объективацию. *Existenz-Philosophie* есть *Ontologie der Existenz*. Но эта онтология не может строиться, как всякая другая, не может оперировать обычными понятиями и категориями. Понятие есть всегда «о чем-то», а не «что-то», в понятии нет существования. Вл. Соловьев делал интересное различие между бытием и сущим. Бытие - эта мысль есть. Сущее - я есмь. Происходит гипостазирование предикатов. Бытие есть предикат. Но сущее не может быть предикатом, в этом смысле оно не есть бытие⁵. Вл. Соловьев как будто бы хотел прорваться к конкретному существованию за абстрактным бытием. С этой точки зрения он критиковал немецкий идеализм. Но его

³ См.: Karl Jaspers. Erster Band, Philosophische Weltorientierung; zweiter Band, Existenzerhellung; dritter Band, Metaphysik.

⁴ Очень близок к этому Gabriel Marcel. См. его «Journal métaphysique», особенно приложение, которое прямо трактует вопрос об объективации.

⁵ См.: Вл. Соловьев. «Критика отвлеченных начал» и «Философские начала цельного знания».

философия не есть философия существования, он остается в тисках рационалистической метафизики, он не обнаруживает себя в своей философии, как существующего, он обнаруживает себя существующим только в поэзии. *Но экзистенциальное суждение не есть только суждение о существующем, но и суждение существующего.* Существование нельзя вывести из суждения. Бытие есть уже логизация и объективация, первично же существование. Так, феноменология Гуссерля, к которой формально примыкает Гейдеггер, не есть философия экзистенциальная. Для Гуссерля реальные объекты непосредственно существуют в сущностях. Очевидность не есть психическое состояние, но есть присутствие самого предмета. Феноменология есть описание чистого сознания и видение сущностей (Wesenheiten)⁶. Но видение сущностей не раскрывает тайны существования. Также философия Н. Гартмана с его трансобъективным не есть экзистенциальная философия. Хотя ценно у него, что он понимает отношения между субъектом и объектом, как онтологические⁷. Его диалектика субъекта и объекта, во всяком случае, очень интересна. Более приближался к экзистенциальной философии Дильтей, когда он исследовал не элементы и атомы психической жизни, а ее целость и образы⁸.

Размышление 3. Я, одиночество и общество. Раздел II. Я, ты, мы и оно. Я и объект. Сообщения между «я».

Существование раскрывается не только в «я», но и в «ты», и в «мы». Оно никогда не раскрывается лишь в «оно», в объекте. Фрейд, несмотря на его философскую наивность, иногда приближающуюся к материализму, делает различие между «я» и «оно», Ich und Es, Moi и Soi⁹. В человеке есть безликий слой «оно», которое может оказаться сильнее «я». Das Man Гейдеггера отчасти соответствует Essein Бубера¹⁰ **). Это и есть то, что я называю миром объективации (не тождественной, конечно, с проблемой социального вообще). Мир Dasein у Гейдеггера есть Mitwelt, мир сосуществования с другими. Но проблема метафизической социологии у Гейдеггера не поставлена и не углублена. Уже больше можно найти у Ясперса.

⁶ Levinas «La theorie de l'intuition dans la phenomenologie de Husserl».

⁷ См. его «Metaphysik der Erkenntnis».

⁸ См.: Dilthey «Einleitung in die Geisteswissenschaften» и «Die geistige Welt. Einleitung in die Philosophie des Lebens».

⁹ См. Freud Essais de psychanalyse. III. Le Moi et Soi.

¹⁰ См. цитированную книгу Гейдеггера.

Бердяев Н.А.

Творчество и объективация. Опыт эсхатологической метафизики // Бердяев Н. А. Царство Духа и царство кесаря. Москва, 1995. С. 164–286.

Часть I. Глава 1. Проблема познания и объективация. Раздел 5. Истина выгодная, истина гибельная и истина спасающая.

Истина имеет два смысла: есть истина как знание о реальности и есть истина как самая реальность. Истина есть не только идея, ценность, но также существо, существующее. «Я есмь Истина». Истина не есть то, что существует, а есть смысл, логос существующего. Но этот смысл есть существующее, существующий. У Гейдеггера истина существует, лишь поскольку существует Dasein. Истина не существует вне и над нами, она возможна, потому что мы в истине. Гейдеггер думает, что абсолютная истина есть остаток христианской теологии. Но в действительности именно христианство должно отрицать истину вне существа и существующего. Истина есть творческий акт духа, в котором рождается смысл.

Часть II. Проблема бытия и существования. Глава 3. Раздел 2. Примат свободы над бытием. Детерминизм бытия и свобода. Бытие и первичная страсть. Бытие как застывшая свобода и застывшая страсть. Бытие как природа и бытие как история.

Последняя попытка построить онтологию принадлежит Гейдеггеру. При этом Гейдеггер претендует на то, что его онтология экзистенциальна¹¹ 1). Нельзя отрицать большой напряженности, сосредоточенности и своеобразия мысли Гейдеггера. Это — один из самых серьезных и интересных философов нашего времени. Немного раздражает у Гейдеггера погоня за новыми словосочетаниями, новой терминологией, хотя он в этом большой мастер. Во всяком метафизическом вопросе он справедливо видит всю метафизику. Нужно признать показательным и поразительным, что последняя онтология, к которой пришел очень одаренный философ Запада, оказалась не учением о бытии, а учением о небытии, о ничто. И последняя мудрость о жизни мира выражается словами: Nichts nichtet¹². Что Гейдеггер ставит проблему ничто, небытия и, в отличие от Бергсона, признает его существование, нужно признать его заслугой. В этом можно увидеть родство с учением Беме об Ungrund'e¹³. Без ничто не было бы ни личного существования, ни свободы. Но Гейдеггер, быть может, самый крайний пессимист в истории философской мысли Запада, во всяком случае, более крайний и последовательный, чем Шопенгауэр, который знал много утешений. И он, в сущности, не дает ни философии бытия, ни философии Existenz, он дает лишь философию Dasein. Он целиком остается в выброшенности человеческого существования в мир. Но выброшенность в мир, в das Man, есть падшесть. Для Гейдеггера падшесть принадлежит структуре бытия, бытие внедрено в обыденность. Он учит, что забота есть структура бытия. Забота овременяет бытие. Но с какого возвышения можно это увидеть, как осмыслить это? Непонятно, откуда у Гейдеггера берется сила познания. Он видит человека и мир исключительно снизу и видит только низ. Он — человек, потрясенный этим миром заботы, страха, смерти, обыденности. Его философия, в которой

¹¹ См. его «Sein und Zeit»

¹² Ничто отрицает (делает ничем) (нем.). [современный перевод: «ничто само ничтожит». См.: Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Хайдеггер М. Время и бытие. Сост., пер., комм. и указатели В.В. Библихина. М. 1993. С. 22 (прим. сост.).]

¹³ См. Heidegger «Was ist Metaphysik?».

ему удалось увидеть какую-то горькую истину, хотя и не последнюю, не есть экзистенциальная философия, в ней не чувствуется глубина существования. Эта философия остается во власти объективации. Выброшенность в мир, в das Man, и есть объективация. Но, во всяком случае, этот опыт онтологии уже почти ничего общего не имеет с онтологической традицией, идущей от Парменида и Платона. И не случайно, полно значения, что последняя из онтологий упирается в ничто, которое ничтоствует. Не значит ли это, что нужно отказаться от онтологической философии и перейти к экзистенциальной философии духа, которая не есть бытие, но не есть и небытие? На нашем пути стоит проблема индивидуального и универсалий, может быть, самая трудная из проблем.

Часть IV. Проблема истории и эсхатология. Глава 8. Раздел 1. Мир как история. Зоны. Мессианизм и история. Космическое, время историческое и время экзистенциальное. Пророчество и время.

Эсхатологическое христианство есть христианство воскрешающее. Безбожие очень современной философии Гейдеггера в том, что для нее забота и современность бытия непобедимы¹⁴ 2). Бытие к смерти есть забота, забота есть бытие к смерти. И это — последнее слово, слово, противоположное религии воскресения, религии эсхатологической. Философия Гегеля по-другому безбожна, в ней нет сознания конфликта личного и универсального, нет божественной жалости к страдающему человеку, к страдающей твари. Примирение с ужасом истории, со смертоносностью прогресса возможно лишь при великой надежде на воскресение всех живших и живущих, всякого существа, страдавшего и радовавшегося.

¹⁴ См. его «Sein und Zeit».

Бердяев Н.А.

Царство духа и царство кесаря. Париж, 1951.

1. Гносеологическое введение: Борьба за истину.

Более интересная экзистенциальная философия, чреватая будущим, склонна утверждать не старое объективированное понимание истины, а субъективно-экзистенциальное. Но это не означает отрицания истины. У Киркегарда в субъективном и индивидуальном открывается абсолютная истина. Новейшие течения экзистенциальной философии очень противоречивы в отношении к истине. Гейдеггер, которого нельзя признать экзистенциальным философом, в своей брошюре, посвященной проблеме истины, склоняется к онтологическому и объективному пониманию истины. Но это классическое понимание истины выражено в новой терминологии и носит своеобразный и более утонченный характер. В конце концов непонятно, почему человек (Dasein) может у него познавать истину. Опора истины на свободу противоречит онтологическому пониманию истины, при котором центр тяжести лежит в открывающемся сущем. В отличие от других экзистенциалистов, Гейдеггер держится за старое понимание истины, но по-новому выраженное.

<...>

Но вот что особенно важно установить. Ни материализм, ни феноменализм (в разных типах позитивизма), ни экзистенциализм типа Гейдеггера не могут обосновать самого возникновения проблемы Истины. Сейчас особенно важен Гейдеггер. Совершенно непонятно, как человек (Dasein) может возвыситься над низостью мира, выйти из царства das Man. Для этого в человеке должно быть высшее начало, возвышающее его над данностью мира. Экзистенциалисты антирелигиозного типа так низко мыслят о человеке, так понимают его исключительно снизу, что остается непонятным самое возникновение проблемы познания, возгорание света Истины.

<...>

Человек, закупоренный в себе, и есть существо несвободное, не определяемое глубиной, а определяемое извне мировой необходимостью, в которой все разорвано, враждебно одно другому, выпало из глубины, т.е. не духовно. Когда экзистенциалисты Гейдеггер, Сартр и др. говорят о выброшенности человека (Dasein) в мир и обреченности человека этому миру, то они говорят об объективации, которая делает судьбу человека безысходной, выпавшей из глубокой реальности. Об этом почти невозможно спорить, это есть дело последнего свободного избрания. Я не называю такую философию экзистенциальной, потому что она находится во власти объектности. Разница этой философии со старой классической онтологической философией в том, что она встречается с объективностью абсурдного, бессмысленного мира, в то время как первая думала, что она встречается с объективностью разума и смысла бытия. Это есть очень серьезный кризис философской мысли. Но и та и другая направленность остается во власти объектности.

<...>

Человек живет, чтобы умереть, его жизнь есть жизнь к смерти. Уже Фрейд считал инстинкт смерти самым благородным в человеке, о котором он мыслил очень низко. Гейдеггер, в

сущности, в смерти видит единственное настоящее торжество над низменным *das Man*, т.е. видит в ней большую глубину, чем в жизни. Человек есть конечное существо, в нем не раскрывается бесконечность, и смерть принадлежит к его структуре. Сартр и Симон де Бовуар готовы видеть в смерти положительные достоинства. Мне представляется эта современная направленность поражением духа, упадочностью, смерто-божничеством. Бесспорно, достоинство человека в бесстрашии перед смертью, в свободном принятии смерти в этом мире, но для окончательной победы над смертью, для борьбы против торжества смерти.

Бердяев Н.А.

Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Париж, 1952

Гл. II. Диалектика божественного и человеческого в германской мысли. Значение Ницше. Диалектика троичности.

У Гейдеггера, самого сильного из современных «экзистенциальных» философов, мы видим уже иное состояние. Киркегард имел влияние на его проблематику, но Бог заменен у него миром, и безнадежность не прорывается ни к чему иному. Он хочет построить онтологию, и построить ее таким же путем, каким строит ее рациональная академическая философия. Это противоречит коренным образом экзистенциальной философии, которая не допускает возможность онтологии, всегда основанной на объективации и рационализации¹⁵. Гейдеггер прошел через школу католической теологии, и это чувствуется в его учении о падении Geworfenheit Dasein'a. Но разрыв человеческого существования (Dasein) и божественного у него достигает предельного выражения. Dasein есть лишь in-der-Welt-sein. Ничто есть основа Dasein. Это философия ничто. Dasein заменяет субъект. У него, как и у Сартра, феномен, то, что себя обнаруживает, имеет иной смысл, чем у Канта. Быть в мире есть забота, бытие и есть забота. Отсюда овременение. Мысль Гейдеггера подавлена объектным миром заботы. У него нет духа, нет свободы, нет личности. Das Man, обыденность, и есть субъект повседневного существования, из которого, в сущности, нет выхода. Метафизика есть внедрение человеческого существования в хаос грубого существования. Философия Гейдеггера принадлежит совсем другой эпохе, чем эпоха позитивистов, материалистов и атеистов XIX века. У него есть первородный грех, наследие католичества, у него существование человека и мира verfallen, падшие. Но откуда произошло падение? Откуда берется вина? Есть замаскированные моральные оценки. Наследием идеализма является то, что истина не есть соответствие с объектом, что человек сообщает истину познаваемому миру. Но нет оправдания возможности познания. Вместе с Dasein - историческое бытие. История открывает универсальное в единственном. Создание будущего есть проекция смерти. Гейдеггер говорит о Freiheit zum Tode. Цель нашего существования - свобода посмотреть прямо в глаза смерти. Искусство, политика, философия борются с хаосом, с грубым первичным бытием. Но откуда берется для этого сила? Метафизика Гейдеггера связана с конечностью человеческого существования. В человеке нет прорыва в бесконечность. Мир есть мир заботы, страха, покинутости, обыденности, страшный мир. Это метафизика предельной богооставленности. Но божественное не является ни под каким псевдонимом, как у Фейербаха, М. Штирнера, Ницше, Маркса, и нет никакого довольства миром. Пессимизм Гейдеггера более последовательный и страшный, чем пессимизм Шопенгауэра, который знал утешение.

¹⁵ См. М. Heidegger «Sein und Zeit» и превосходную книгу Woehelns «La Philosophie de Martin Heidegger»; см. также Sartre «L'être et le néant». Сартр решительно отрицает «иной мир», и его философия прикрыта такой терминологией, как «онтология», «трансцендентное» и пр., которая вводит в заблуждение.

[Речь идет о книге: Waelhens A. de. La philosophie de Martin Heidegger, Louvain, 1942. Alphonse de Waelhens (1911-1981) – французский католический философ и историк философии, специалист в области феноменологии и психоанализа. Книга о Хайдеггере – первая большая работа этого автора и первая посвященная немецкому философу монография на французском языке (прим. сост.)]

Глава IV. Страх.

Для Киркегарда и для следующего за ним в этом Гейдеггера Angst ставит перед бездной небытия¹⁶. Это есть событие на границе, на границе внешнего, примитивного мира и сверх-я. Для этих философов angoisses страх есть реакция перед кем-то и чем-то, что представляется нам угрожающим разрушить наше собственное Dasein. Angst же не вызывается чем-то определенным, оно нас ставит перед миром в чистом виде. У Гейдеггера Dasein убегает в das Man от неизвестного, чуждого. Страх есть томление, впавшее во внутренне мирское. Dasein для него есть забота, т. е. бытие, выброшенное в мир, в котором оно потеряно. Забота есть постоянная смерть. Принятие смерти есть нечто родственное amor fati Ницше. Нравственное сознание превосходит das Man и уничтожает его. Откуда это у Гейдеггера? Angst связано с ничто. Das Nichts selbst nichtet. У Киркегарда Angst носит скорее психологический характер, у Гейдеггера же космический. Но ужас перед смертью и перед ничто может быть лишь в том случае, если есть личность, этот ужас существует лишь для личности.

У Гейдеггера все идет снизу, а не сверху и никакого верха не существует. Остается непонятым, откуда берется высшее и судящее, которое у него все-таки есть. Это непонятно и у Ницше. В этом отношении положение Киркегарда лучше. Страх есть порождение богооставленности. Но покинут ли мир и человек Богом, или Бог покинут человеком и миром, во всяком случае богооставленность предполагает существование Бога. Я употребляю русское слово «страх» за отсутствием слова Angst, но в него для меня входит ужас. Человек поставлен перед бездной ничто, испытывает страх и ужас, потому что он отделен от Бога. Страх есть результат разорванности, раздельности, отчужденности, покинутости. Психологически страх есть всегда страх перед страданием. Человек испытывает страх-ужас, когда от страдания наталкивается на непреодолимую стену, за которой небытие, пустота, ничто. Это ничего общего не имеет с буддийской нирваной, которая есть выход и просветление¹⁷. Этот страх-ужас не следует также смешивать с тем, что Р. Отто называет *Mysterium tremendum* и что означает первичное чувство божественности¹⁸.

¹⁶ См. превосходную книгу Woehrlens «La Philosophie de Martin Heidegger»

¹⁷ См. Suzuki «Essais sur le Bouddhisme Zen»

¹⁸ См. R. Otto «Das Heilige»

Бердяев Н.А.

Истина и откровение. СПб., 1996.

Глава I. Экзистенциальная философия и духовный опыт. Трансцендентальный человек.

Хотя все классификации сфер знания мне представляются относительными, но все же книгу свою должен решительно отнести к сфере философии, а не теологии. К сожалению, экзистенциальная философия стала модной, особенно благодаря Сартру. Модным стал и малодоступный, трудный Гейдеггер, которого мало кто читал. Серьезная философия не должна была бы становиться достоянием моды, это ей не к лицу. И тем не менее течения экзистенциальной философии обнаруживают кризис традиционной философии и вступление на новый путь. Обнаруживается разрыв с греческим интеллектуализмом, унаследованным схоластикой, с рационализмом Декарта, с германским идеализмом. Экзистенциализм можно разное определять, но самым важным представляется мне определение, что это есть философия, которая не хочет объективирующего познания. Существование не может быть объектом познания. Объективация означает отчуждение, обезличивание, утрату свободы, подчинение общему, познание через понятие. Вся почти история философской мысли стояла под знаком объективации, хотя это выражалось в разных типах философии. Эмпиризм также стоял под знаком объективации, как и самая крайняя форма рационализма. Эту объективацию можно открыть и в более новых формах прагматизма и философии жизни, всегда имеющей биологический привкус. И поскольку Гейдеггер и Сартр хотят строить онтологию, пользуясь рациональным аппаратом понятий, они находятся во власти объективирующего познания и не порывают с традицией, идущей от Парменида. Бытие есть уже порождение объективирующей мысли, оно объективно. Кирхегардт признавал экзистенциальным лишь познание в субъективности, а не в объективности, в индивидуальном, а не в общем. В этом он был инициатором. Наиболее верным ему остается Ясперс. Кирхегардт повернул к субъективности и хотел выразить свой неповторимый индивидуальный опыт. В этом его значение. Но он не стал вполне по ту сторону различия субъекта и объекта, он сохранил это различие, став на сторону субъекта. Другое определение экзистенциальной философии заключается в том, что это философия экспрессионистская, т. е. она хочет выразить экзистенциальность познающего, а не отвлечения от этой экзистенциальности, как хочет философия объективирующая. В этом смысле у всех великих философов (можно открыть элементы экзистенциализма за процессом объективации). Существование (Existenz) не есть эссенция, не есть субстанция, а есть свободный акт. Экзистенции принадлежит примат над эссенцией. В этом смысле экзистенциальная философия родственна всякой философии опыта и философии свободы. Сфера свободы у Канта есть в сущности Existenz, но сам он не раскрыл этого. Глубина Existenz есть свобода. Это есть у Ясперса, который себя связывает с Кантом, это есть и у Сартра, который с Кантом имеет мало общего. То, что происходит в экзистенциальной сфере, находится вне каузальной связи. Каузальная связь существует лишь в сфере объективации. Поэтому, напр., недопустимо говорить, что Бог есть причина мира. Между Богом и человеком не может существовать каузальных отношений. Бог ничего не детерминирует. Бог не есть сила «вне» или «над». Поэтому традиционное представление об отношениях между свободой и благодатью в такой форме устарело, оно остается в сфере объективации. В действительности все находится в экзистенциальной

сфере, в которой нет никакой объектности. Мы должны погрузиться в глубину субъектности, но для того, чтобы выйти из самого противоположения субъекта и объекта. Гейдеггер и Сартр находятся в сфере объективированного мира, мира вещного, и в этом источник их пессимизма. У Гейдеггера Dasein существует лишь выброшенным в мир и там испытывающим Angst, заботу, безнадежность, смерть как неизбежный результат своей конечности. Не помогает и внемирность свободы, которую признает Сартр. Это связано с отрицанием первичной реальности духовного опыта. Единственная метафизика, которую может признать экзистенциальная философия, есть символика духовного опыта. Так и думает Ясперс, но по-иному, потому что у него нет по-настоящему духовного опыта.

Новый путь философии предполагает пересмотр традиционной философии, на которую опирались христианская теология и понимание христианства, неизбежно предполагающее известную философию, в данном случае философию, которую я называю объективированной <...> Существуют разные типы экзистенциализма, прежде всего тип религиозный и тип атеистический. Первый тип экзистенциализма представлен отчасти Бл. Августином (имею в виду его как философа, которого ценю, а не теолога, которого я очень не люблю) и более всего Паскалем, Кирхегардтом и, конечно, Достоевским, которого нужно рассматривать и как метафизика. Второй тип представлен главным образом Гейдеггером и Сартром, а также теми, которые следуют за Ницше, явлением очень сложным. Различие связано прежде всего с тем, признают или нет существование духовного опыта как первичного и качественно своеобразного, предшествующего всякой объективации. Духовный опыт внутреннего человека необъективированный, он есть существование, предшествующее образованию мира объектов и вещей. <...>

<...> Человек необъясним исключительно снизу, как хотели Маркс и Фейербах, как хотят Гейдеггер и Сартр, как хотят все материалисты. В человеке есть что-то совершенно необъяснимое снизу, что-то привходящее из высшего мира. Никакие натяжки не могут дать удовлетворительного объяснения высшей природы, и не только духовно высшей, но и оккультной, не раскрывающейся средне-нормальному сознанию человеческой природы. Человек есть трагическое существо именно потому, что он находится на границе двух миров, высшего и низшего, и заключает в себе оба мира.

Глава VI. Новые формы безбожия. Оптимистическое и пессимистическое, дневное и ночное безбожие. Польза безбожия для очищения от рабьего социоморфизма и идолопоклонства.

Последняя, новая форма безбожия явлена в некоторых течениях экзистенциальной философии, прежде всего у Гейдеггера и Сартра. Экзистенциализм Паскаля, Кирхегардта и мой собственный носит религиозный характер. Ясперса, очень связанного с Кирхегардтом, тоже нельзя назвать атеистом, у него по-настоящему есть трансцендентное. Но иной характер носит экзистенциализм Гейдеггера, и особенно Сартра. Автор «Sein und Zeit» прошел католическую школу, и в его философии, которая хочет обойтись без Бога, есть явные следы католической теологии. Мир у него падший, хотя и неизвестно, откуда он упал, так как высоты у него нет. Человек у него познается исключительно снизу. И, как и всегда в подобного рода миропонимании, остается непонятным, как высшее может создать низшее. Это сознательно утверждает материализм, но Гейдеггер не материалист. Бытие —

падшее и виновное по своей структуре. Это католическая теология без Бога. Философия очень пессимистическая, более пессимистическая, чем у Шопенгауэра. Многие являются наследием германской пессимистической метафизики, но, так же как и Ницше, он не хочет знать утешений, напр., утешений, которые дает буддизм. Dasein, термин, который заменяет человека, субъекта, сознание, выброшен в этот падший мир. В этом мире Dasein испытывает страх, Angst, заботу, конечность своего существования, т. е. смерть. Dasein подчинен Das Man, обыденному, банальному существованию, в котором ничто не мыслит и не судит самостоятельно, а исключительно так, как мыслят и судят другие, т. е. безыменно и безлично. Но сам Гейдеггер возвысился над Das Man. Это возвышение необходимо для самого познания. Гейдеггер отрицает существование глубины, но голос из глубины у него все-таки слышится. В нем остается двойственность. Огромную роль у него играет небытие, ничто, и можно даже думать, что его философия есть философия небытия. Смерти принадлежит последнее слово, в человеке нет бесконечности, все в нем конечно. Но у Гейдеггера остаются какие-то воспоминания о старой германской мистике. Поэтому небытие у него может быть сближено с Ungrund Я. Беме. Тогда его метафизика может быть истолкована как апофатическая теология с пессимистической окраской. Гейдеггер не проповедует атеизма, но его учение о Dasein и о Sein, его понимание мира остается атеистическим, и это атеизм нового типа, непохожий на атеизм XIX века. В отличие от Гейдеггера Сартр заявляет себя атеистом и даже гордится тем, что он самый последовательный атеист.

Бердяев Н.А.

Самопознание. Тяжелые годы (Добавления 1940-46 годов)

В конце сентября 1945 года Лидия¹⁹ умерла. Это было одно из самых мучительных и вместе с тем внутренне значительных событий моей жизни. Смерть Лидии не была мучительной, она была духовно просветленной. Переживая ее смерть, я многому научился. Это было для меня переживание огромной важности. У Лидии была необыкновенная сила веры, такой силы веры я ни у кого не встречал. Смерть ее была высокой вследствие ее напряженной духовности. Она до конца сохранила ясность сознания и все, что говорила, вернее, писала, перед смертью, было прекрасно. Почти до самого конца она писала стихи. Я хочу издать ее стихи. Она сама к этому не стремилась, у нее не было никакого честолюбия, был большой аристократизм. Она все время читала мистические книги и делала заметки о прочитанном. Она все более сознавала себя принадлежащей к грядущей религии Святого Духа, но сохраняла неразрывную связь с церковью. Перед сном я каждый день заходил в комнату Лидии, и мы вели духовно-мистические беседы. Я так любил это время дня и все время вспоминаю об утраченном. Не могу примириться со смертью близкого, любимого существа. Не могу примириться с безвозвратностью, с образовавшейся пустотой. Не могу примириться с конечностью человеческого существования, которую Гейдеггер считает последней истиной. Не может не быть требования встречи и вечной жизни вместе.

¹⁹ Лидия – Лидия Юдифовна Бердяева (в девичестве Трушева, в первом браке – Рапп) (1871–1945) – жена Н.А. Бердяева, русский поэт, активный деятель русской эмиграции. 7 июня 1918 г. перешла в католичество, участвовала в работе Русского апостола. Книга стихов при жизни Бердяева издана не была. См.: Бердяева Л.Ю. Профессия: жена философа / Сост., авт. предисл., и коммент. Е.В.Бронникова. М.: Мол. гвардия, 2002 (прим. сост.)

Примечания.

Бердяев Н.А.

Присущий Бердяеву импрессионистический стиль письма делает затруднительным в том числе и определение его отношения к другим философам, как предшественникам, так и современникам. Отдельные упоминания о Хайдеггере и его философии, в том числе и весьма концептуальные, делаются им по самым разным поводам и разбросаны по различным произведениям. Ниже публикуются наиболее характерные и/или развернутые отзывы и характеристики, представленные в ряде наиболее значительных поздних работ мыслителя.

Печатается по:

Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения (П., 1934) С. 38, 48–53, 99;

Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство кесаря. Москва, 1995. С. 186, 222, 266;

Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. Париж, 1951. С. 9, 14, 16, 20;

Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Париж, 1952С. 57–58, 80–81;

Бердяев Н.А. Истина и откровение. СПб., 1996. С. 8–13, 107–109;

Бердяев Н.А. Самопознание. М.: ДЭМ, 1990. С.194

Бердяев Николай Александрович [6 (18) марта 1874, имение Обухово, Киевская губерния – 23 марта 1948, Кламар, под Парижем] – русский философ, близкий к европейскому персонализму и экзистенциализму. Основные темы философствования Н.А. Бердяева: проблемы человека, свободы, творчества, истории, философии религии и философской теологии, судьба и культура России. В 1928 г. в журнале Бердяева «Путь» была опубликована развернутая рецензия на «Бытие и время». Первые упоминания о Хайдеггере в текстах самого Бердяева встречаются, начиная с книги «О назначении человека» (1931), где «Бытие и время» называется «самой замечательной философской книгой последнего времени» (с. 8).

Соч: Философия свободы. М., 1911; Смысл творчества. М., 1916; Смысл истории. Берлин, 1923; Новое средневековье (Размышление о судьбе России) Берлин, 1924; Философия свободного духа (Проблематика и апология христианства). Париж, 1927; О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж, 1931; Русская идея (основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века. Париж, 1946; Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация Париж, 1947; Истина и откровение. СПб., 1996 и мн. др.